

К 516
АПРЕЛЬ 15

Рис. Н. Радлова

ПО НЕЗАВИСЯЩИМ ОТ СУДЬИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

— Вот вы обещались с собой свидетелей привести, гражданин истец, а почему-то не привели.
— Как почему? А где они тут у вас поместятся?

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

В. МАЯКОВСКИЙ

Мне
надоели ноты, —
много больно пишут что-то.
Предлагаю
без лишних фраз —
универсальный ответ —
всем за раз.
Если
нас
войка тот или иной
захочет
спровоцировать войной, —
наш ответ:
нет!
А если
даже в мордобойном вопросе
руку протянут, —
на конференцию, мол, просим, —
всегда
ответ:
да!
Если
держава
та или другая
ультиматумами пугает,
наш ответ:

нет!
А если
не пугая ультимативным видом,
честью просят
заплатите по обидам,
всегда
ответ:
да!
Если
концессией
или чем прочим
хотят
на шею насесть рабочим,
наш ответ:
нет!
А если
взаимно,
вскрыв мощну тугую,
предлагают:
давайте
честно поторгуюм,
всегда
ответ:
да!
Если
хочется

сунуть рыло им
в то,
кого судим,
кого милуем,
наш ответ:
нет!
Если
просто
попросят
одолжения ради,
простите такого-то, —
дурак дядя,
всегда
ответ:
да!
Розенберг,
Араки *
и еще кто там?!
Каждый из вас
пусть не поленится, —
и прежде
чем делать зряшние ноты,
прочтет
мое стихотвореньице.
(1923)

* «В будущем все: играющие, ставящие, читающие, печатающие «Мистерию-буфф» — меняйте содержание, делайте содержание ее современным, сегодняшним, сиюминутным», — писал В. В. Маяковский в своих примечаниях к «Мистерии буфф».

Приводя данное, впервые публикуемое стихотворение в соответствии с современным международным положением, мы переменили в оригинале ровно два слова.

РАЗГОВОР С НЕЮ И С НИМ

Мы долго беседовали о том, какие виды паразитизма еще существуют у нас, но вместо опубликования рассуждений по этому поводу разберемся в одном случае и поговорим с нею и с ним.

РАЗГОВОР С НЕЮ

— Как живется вам?

— Ничего.

Неужели так-таки все хорошо? Ну, конечно, не все. У нее единственное парадное платье, сиреневое, с круглым вырезом вокруг шеи. На «каждый день» есть, а чтобы пойти куда-нибудь, — одно это. Все ее видят большей частью все в том же единственном сиреневом платье, с этим вырезом вокруг шеи.

Что же делать, муж мало зарабатывает. Она сама хочет работать, но он ей не позволяет. Он хочет, чтобы она училась. Кроме того она долго болела и еще слаба.

Тут что-то неладно. Разговор в этом месте тускнеет. Учиться? Верно, это — хорошее дело — учиться, но она не учится. Слаба? Но она неутомимо танцует в главных городских танцульках. Она уходит домой не раньше трех часов ночи. Несмотря на то что она старается не бывать в одном месте часто (и платье примелькалось, и вообще неудобно часто бывать в одной и той же танцулке), но ее знают во всех.

Она держит себя скромно. Танцует ровно, спокойно. Но на самом деле она не очень скромна. Ее можно повести в ресторан, угостить ужином, предложить вина (много она не пьет, но все же пьет), и если настоять, то она звонит домой, что она будет почевать у подруги.

Разговор откровенный, в этом весь его смысл, поэтому она говорит правду.

— Ну, а утром?

Утром она идет домой. О том, что она иногда ночует у Жени, дома известно. Ее ни о чем не спрашивают.

Довольна ли она мужем?

Морщится.

— Как будто ничего человек, но скучноват. Ко мне относится хорошо, любит и все такое, но он многого не понимает. Не понимает! Сам ходит в стоптанных ботинках, не вылезает из одного и того же потрепанного костюма и думает, что и я так могу... Но ведь я женщина! А когда хочу идти на работу, не пускает. Ревнует. Выискивает всякие доводы: я, мол, слаба, на службе душно, дисциплина. Хочет, чтобы я училась.

— Но почему же вы не учитесь?

Изящно поднимает одно плечо и опускает.

— С января поступлю на курсы. Отдохну месяц летом.

Откровенный разговор идет дальше.

— Когда вы встаете?

— То есть, как это когда?

— В котором часу?

— Часов в двенадцать.

Невесело улыбается.

— Почему так поздно?

— Так выходит. То поздно возвращаешься домой, то, се. Часто голова болит.

— А потом?

— Потом... позвонят знакомые... Пойдешь погуляешь. Покупки всякие. Потом муж часто просит зайти то туда то сюда. Дни бегут быстро. Ну, а потом... Я очень люблю кино, театр. Но его никогда не вытщишь, да я и отвыкла ходить с ним: у меня много своих знакомых.

Конечно, тут многое недоговорено, тут опять заминка. Не так это все просто. Жени — ее лучшая подруга. Это верно. Но у нее недостаток. Она любит перехватывать мужчин... На этой почве много беспокойства. И досадно очень и обидно: много ссор... Сколько политики, хитростей, обманов! Иногда, даже ночью, раздаются бешеные звонки!.. Нет, иногда она бывает прямо несносной, эта Жени.

Ей очень не хочется говорить об этом, но это явный центр ее переживаний: флиртовая возня, встречи, вечеринки. Дни летят. Времени не хватает.

Иногда приходится отказывать мужу в его просьбе отнести чертеж чорт знает куда, на какой-то скучный завод. Станет она едить! Сколько раз она просила его, чтобы он ей говорил накануне или рано утром. А то как раз тогда, когда ей нужно уйти, — тут вдруг он с письмом на завод. Нет, не поедет она на завод!

С мужем ссоры очень часты. На скулах и на упрямом изгибе шеи у нее укрепляется жесткое, уже немолодое (хотя ей двадцать два года), взрослое черственькое выражение, которое все резче оформляется. Нет, она не из тех, которые должны быть всегда покорны.

— А если он оставит вас?

— Пожалуйста. Хоть сегодня.

Но в глазах уверенные искорки. Он не оставит ее. В ней есть что-то такое, без чего он жить не может. Не может. Он раб. Она два раза делала вид, что уходит от него. Однажды пять дней жила у Жени. И что же? Пришел. В ногах валялся. Нет, нет, она дурой не будет. Она будет уходить, куда хочет, возвращаться, когда хочет, встречаться, с кем хочет. Летом она поедет отдохнуть, с января она будет учиться. Кроме того ей предлагают работу, она может получить ее в любое время.

— Что вы делаете сегодня вечером?

— Сегодня?

Сегодня ее приглашают в Дом кино. Там сегодня танцы. Кстати, пора собираться. Она звонит по телефону, вызывает Леонида (он же Лень), уславливается. Затем, повесив трубку, просит:

— Простите, не оглядывайтесь минут десять, я переоденусь.

Десять минут в бедноватой комнате, где она живет со своим мужем-конструктором, идут шелесты, всплески, топтанье, распространяется легкая волна одеколонного запаха, пудры, и через десять минут она переодевается. На ней сиреневое платье, с большим вырезом вокруг шеи. Шея вымыта, лицо напудрено, губы накрашены, глаза подведены. Она готова.

РАЗГОВОР С НИМ

Он добродушный, лохматый, голубоглазый, рассеянный и сосредоточенный в одно и то же время. Говорит:

— Работать трудно, но чорт знает как интересно! Да, интересно, но иногда — трудно. Понимаете, уже готова была конструкция, все высчитано, рационализация крупная, и уже одобрили и первая инстанция, и вторая, и третья, но не повезло... Чорт знает что такое — всегда найдется какой-нибудь склочник или дурак. Придрался ко второму клапану! Второй клапан никакой роли не играет, но пошел, наговорил заму, тот говорит: «Надо проверить», — а проверить некогда, заседание отложили, а на заводе ремонт, а потом зам уехал в отпуск, а когда вернулся, — склочник уехал, теперь надо ждать склочника: «Без Николая Семеновича мы не можем. Ведь он поднял вопрос». Приходится ждать. Но это ничего. Я пока делаю другую конструкцию. Интересно... Очень! На заводе работы много, я очень охотно работаю дома, но дома шум, звонки, соседские дети, жена молодая, ей звонят, она звонит, часто бывает недовольна чем-то... Ну, в самом деле, молодая женщина, хорошенькая, ей нужно то, се.

Речь его течет плавно, но она местами точно с чужих слов: «Жена молодая»... «Ей нужно то, се». Это явно чужие слова.

— Слушайте, чего вы дурака валяете? Вы возвращаете собственную жену. Она ничего не делает, спит до двенадцати часов, возится со всякими бездельниками, бегает по танцулкам, не работает, не учится. Ведь вина же и на вас падает. Ведь вы тоже отвечаете за близкого вам человека. Почему вы не позволяете ей работать?

— Я?! Пожалуйста. Но как только она начинает работать, она начинает сильно уставать, начинаются капризы, слезы. То к ней кто-то придирается, то, наоборот, пристаёт с любовью. Больше двух месяцев она не может продержаться на работе. Гораздо спокойнее, когда она не работает. Кро-

— Вот, батюшка, список моих грехов, заверенный домоуправлением.

Две мамы в коротеньких модных жакетках, в шляпках, похожих на неудачно сделанные пельмени, сидят в саду. Здесь же играют дети. Мамаши смотрят на детей и рассуждают:

— Нынешние дети... Плохо воспитанные...

— Грубые... И вообще они непохожи на нас... Вот, скажем, память... Ведь какая у нас память была!.. С детства все помню... Стихи, например... А у меня шестилетний Коля не может запомнить нового папу... Я ему долблю: «Сергей Платонович! Сергей Платонович! Сергей Платонович!» А он путает с прежним, с Павлом Павловичем... То и дело говорит: «Павел Платоныч»... Я вот сейчас помню «Птичка божия не знает...» А ведь сколько лет прошло...

— «...Ни заботы, ни труда...» И у меня дочка тоже... Никакой памяти!.. Вместо дядя Ваня, то дядя Саша скажет, то дядя... А я уже третий день за Иван Петровичем...

— «...Хлопотливо не свивает...» Лет двадцать!..

— «...Долговечного гнезда...»

К Л Е Й

Жена еще не возвратилась со службы. Муж нашел на столе конверт, адресованный жене.

— От кого бы это? — посмотрел на конверт, подергал за ухо, поднес конверт к лампочке.

— Не разберешь... От кого же это она получает? Может, и на стороне кого завела? А ты, как в водевиле, узнаешь последним. Неужели от Серегина?.. Открыть бы надо... Узнать, чтоб быть готовым. Чужое письмо? Подумаешь! Когда на карте честь семьи!.. Вот мерзавка... А заметит?

Он ногтем начал распечатывать конверт:

— Только бы не порвать... Нет, нет, как по маслу. Замечательный клей на конверте. Совсем слабенький... Отличный клей! Только для любовных писем.

В письме сообщалось, что очередное заседание месткома переносится с пятого на десятое. Муж облегченно вздохнул, вложил снова письмо, послуявил конверт, запечатал:

— Замечательный клей! С таким клеем и семья не расклеится... А был бы покрепче, намучился бы, распечатывая... Чудный клей! И совсем, совсем ничего не заметно.

ме того она была больна. Боюсь, как бы опять не повторилась болезнь.

— Какая болезнь?

— Общая слабость, малокровие.

— Но ведь так никуда не годится. Вы же ее сами толкаете на гибельный путь.

— Нет. Она мне предана, любит меня.

— Вы уверены?

Он трезожно оглядывается и уклончиво говорит:

— Не знаю. Трудно быть уверенным в женщине до конца. Но, насколько это возможно, я уверен. Я знаю, где она бывает. У нее подруга, эта самая Женя. Ну, сходят куда-нибудь. Это чепуха. Жаль, что она нервна, слаба, бедняжка. Приходится ей уступать во многом. Главное — работе мешает. Если б вы знали, как хочется работать! Какие перспективы! Какие возможности!

— Ну, а препятствия?

— Какие препятствия?

— Вот склочники, вроде вашего Николая Семеновича, волокитчики, бюрократы?

Он встает, машет рукой:

— Ну что бюрократы, волокитчики, склочники! Они рассыпаются, как прах, когда вы приходите с настоящим проек-

том. Всегда есть большее количество тех, кто вас поддержит, чем тех, кто затормозит. Это чепуха! Вот тут как-то не налажено, дома... Да, дома...

— Что же вам особенно мешает дома?

— Вот, например, радио... Когда жена дома, она обязательно слушает. Лежит и слушает. Моя любимая работа — ночью, в час, в два. Голова в эти часы так ясно работает! А жена приходит и обязательно включает радио. В эти часы как раз заграничные фокстроты передают.

— Ну и что же? Неужели вы не можете попросить ее выключить, если это мешает работе?

Он молчит, и по всему его облику, по грязноватому воротничку, плохо пришитым пуговицам, по одиночеству, которое незримо свисает с его широких красивых плеч, по морщинам на умном, мужественном лице видно, как тяжело ему от паразитизма мелкого эгоистического существа, без которого, однако, он не может жить.

Подумав, он говорит:

— Ну, знаете, выключить все можно, но не могу же я вечно ссориться.

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

Жена держала полотенце. Муж медленно мылся, пофыркивая, как старый тюлень. Взяв из рук жены полотенце, вытирался, шутя накручивал полотенце, как чалму, вокруг головы, говорил:

— Мне, как шейху какому-нибудь, гарем бы зречь...

Закрывал полотенцем лицо жены:

— А тебе в чадре, чадре...

Но шутки продолжались недолго, сухо добавлял:

— Теперь давай отчет. Куда ты израсходовала данные тебе утром 17 рублей 8 копеек... Копейка—великое дело. Аракчеев, знаешь, положил копейку...

— Да знаю, знаю... В который уже раз рассказываешь этот анекдот...

— Если я говорю, ты можешь и помолчать. Я хозяин в доме. Так вот, Аракчеев положил копейку... Как ты говоришь?

— На сельдерей сколько же именно? 19 или 21 копейка? Ведь разница же!..

Время шло. Жена вскоре сама поступила на службу. Здесь пригодилась ее энергия, которую она прежде убивала на домашнее хозяйство.

— Ты знаешь, Павел, я уже почти догнала твою зарплату,— сказала как-то жена, спеша утром на работу, бросив свое полотенце на деревянный колышек.

Муж перевесил его и сказал:

— Это очень приятно, Анна... Теперь, конечно, если у нас такое равновесие, я не могу требовать от тебя отчета, но если ты сама захочешь...

— Отчего же?... 36 рублей я истратила на блузку... 40 или 50... Вот не помню... На полотенце... Я вспомню. Не беспокойся, пожалуйста... Рубли я вспомню, но копейки,— пожалуй, нет. Не Аракчеев.

Вчера, в выходной день, жена еще не поднялась, а муж уже стоял около кровати и говорил:

— Я с радостью узнал, Анна, что ты уже зарабатываешь больше меня... Если ты хочешь, я могу тебе сказать, куда я истра...

— Не надо, не надо,— закрыла уши.

— Нет, как же, как же... — муж помахивал полотенцем, приготовленным для жены, и бормотал:

— Я не шейх какой-нибудь. Значит, так. Рубль восемь копеек на...

В. ТОБОЛЯКОВ

ЛИЧНЫЙ СТОЛ

КАК И ПОЛАГАЕТСЯ ХОРОШО ПОСТАВЛЕННОМУ «ЛИЧНОМУ СТОЛУ» В НЕМ ДАЮТСЯ СВЕДЕНИЯ И ДАННЫЕ КАК ОТРИЦАТЕЛЬНОГО, ТАК И ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА. РАВНО И ШАРЖИ, ПРИЛОЖЕННЫЕ К СПРАВКАМ, НОСЯТ, ВЗИРАЯ НА ЛИЦА, ЛИБО ДРУЖЕСКИЙ ЛИБО ВРАЖДЕБНЫЙ ХАРАКТЕР. КОРОЧЕ ГОВОРЯ, «ЛИЧНЫЙ СТОЛ» СЛУЖИТ ОДНОВРЕМЕННО И КРАСНОЙ И ЧЕРНОЙ ДОСКОЙ

Начальник Главного управления хлопчатобумажной промышленности Московской и Ленинградской областей тов. Коротков. Портрет дается по случаю появления на рынке внесезонных тканей цвета осеннего дождя с легкой грустью и отсутствия настоящей высококачественной, окрашенной в соответствующие цвета весенне-летней материи.

Тов. Коротков отличается чисто поэтической рассеянностью: забыл заказать к сезону 5 миллионов метров ткани. И тут же попутно забыл исправить свои ошибки. Очень легкомысленный пожилой молодой человек!

Редактор журнала «Новый мир» Иван Грозный—мужчина, любитель искусства и оратор. Отчасти напоминает других Ивановов, промелькнувших в истории человечества. Например Ивана Грозного, который тоже не умел редактировать журналов, и слегка Ивана Калиту, который все со-

бирал. Впрочем, Иван Калита никогда, например, не собирал писателей на дискуссию для того чтобы предложить им физически «перешупать формалистов». Иногда пишет критические статьи, вызывая благодарный смех читателей.

Начальник Главсоли тов. Куликов—руководитель и музыкант. Играет на фанфарах в честь самого себя. Последнее музыкальное выступление в этом роде—торжественная кантата-рапорт по поводу выполнения плана первого квартала до срока. При ближайшем рассмотрении план оказался таким же, как и в прошлом году, и пришлось торжественно победоносную кантату приостановить.

Тов. Сердюк — начальник Днепровского пароходства, отличающегося плановой аварийностью и внеплановым ухарством пароходных капитанов. За образец дисциплины почитает быт и распорядок на стругах Степана Разина, с той разницей, что пароходы у него не столь расписные, сколь просто немые, а вместо дефицитных персидских княжен в набравшую волну падают грузы и пассажиры. Если вместо упомянутой волны набегит на пароходы тов. Сердюка срочная ревизия, никто от этого ничего не потеряет.

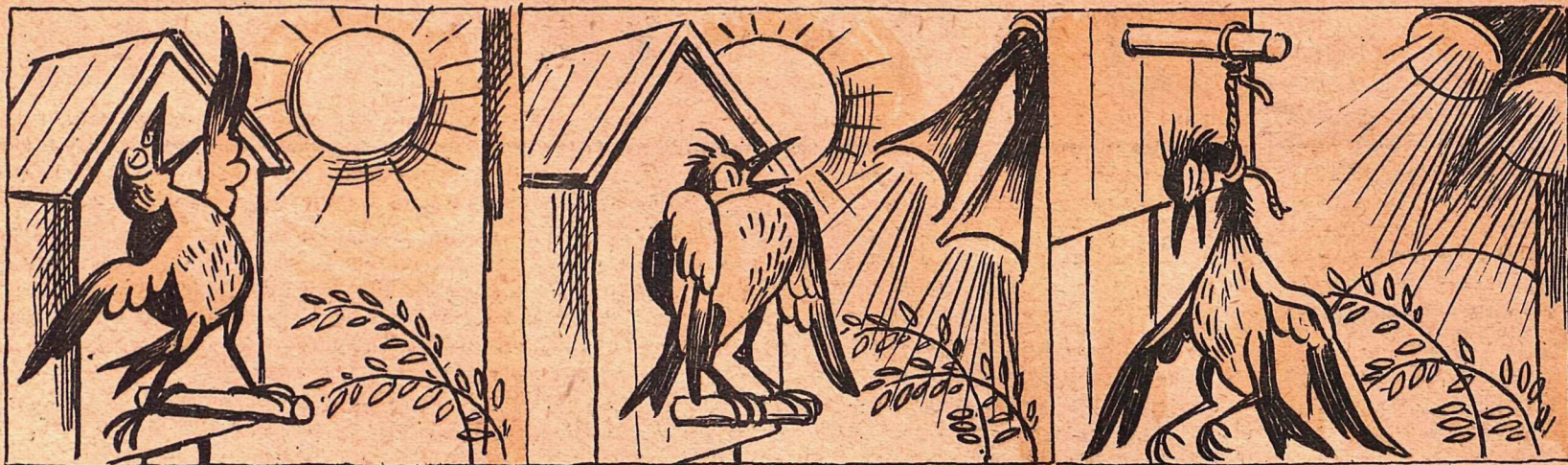
Эрнест Крейкель—радиостроитель, челюскинец, ныне зимовщик на острове Сергея Каменева. Самый оригинальный островитянин на земном шаре, выступивший на днях со следующим призывом:

«Питаемся отлично, но отчаянно надоед шоколад. К сведению москвичей: меняем кило шоколада на кило картошки или огурцов, при условии доставки их на остров Сергея Каменева средствами москвичей».

Рекомендуем этот призыв вниманию фашистских газет и предлагаем даже готовый заголовок: «Ужасы голода на советских островах, или в тисках шоколада среди океана».

Тов. Григорьев—который Мебель. Управляет трестом Союзмебели и пассивно снабжает население чем-то, отдаленно напоминающим кресла, столы и стулья. Понизил нормы производства и тем самым решил спасти покупателей от приобретения низкокачественной продукции. Клянется, что увеличит выпуск продукции на девять процентов. Посидим—увидим. Жаль, что сидеть все-таки придется на тех же григорьевских стульях.

МОЯ ДОБРАЯ ЗНАКОМАЯ

Когда в техническом издательстве «Сжатый воздух» проходила партийная чистка, Анна Николаевна Курчак, или Нюра, или Нюрочка, или просто Нюрка, трепетала больше всех. Глядя на ее пунцовые от волнения кукольные щеки и бледный нос клювиком, сотрудники «Сжатого воздуха» забывали, что Нюрочке, собственно, далеко за тридцать. Она казалась им гимназисточкой, трогательной девочкой, которой предстоят трудные выпускные экзамены.

— Я не переживу, если меня исключат,— признавалась Нюра своим интимным подругам,— я не могу даже себе представить, как это можно жить без партии.

Нюрочка вздыхала и совсем уже по-гимназически добавляла:

— По биографии я отвечу, по текущей политике тоже, пожалуй, не боюсь. А по истории партии обязательно срежусь. Я, понимаешь, дат запомнить не могу: какой с'езд когда. У меня даже в гимназии по истории всегда двойки были. Ох, спросила бы ты меня, Сонька, про второй с'езд...

Чистку Анна Николаевна прошла благополучно. Когда она вышла на середину комнаты, маленькая, коротконогая, с широко раскрытыми глазками и растерянно шевелящимся ртом, даже хмурый председатель комиссии по чистке смущенно крикнул и отвернулся.

Прерывающимся голосом Анна Николаевна стала рассказывать свою биографию:

— Мой папа, то есть, я хотела сказать, отец, был зубным врачом, но он, честное слово, почти не занимался частной практикой и даже рано умер. Я воспитывалась у своей тети, которая была скромной акушеркой в Харькове. В молодости тетя очень была революционеркой. У нее сохранились большие связи с партийными товарищами. Вот тетя меня и устроила, то есть ввела, то есть, одним словом, я у тети встретилась с одним ответственным партийцем, который стал за мной ухаживать, то есть я хотела сказать, стал надо мной шефствовать...

Никто из партийцев издательства «Сжатый воздух» не сказал на чистке ничего плохого про милейшую Анну Николаевну Курчак. В партии она была оставлена, и безмятежная жизнь ее покатила дальше по прочным и ровным рельсам.

Попрежнему изнывал над гранками, тая от непосильной работы, беспартийный заместитель Анны Николаевны по отделу «Компрессор — в массы» Никодим Степанович, которого Нюра звала просто Никодимчик.

Приходила она на работу вовремя, но уже через час, потянувшись, говорила Никодиму Степановичу, шуря черные сладкие глаза:

— Ой, как я сегодня устала, Никодимчик. Ты, пожалуйста, посмотри эту корректуру. Мне в наркомат нужно сходить.

— Давай, давай,— с готовностью отвечал Никодим Степанович, сканивая глаза на пышный нюрочкин бюст.— Кофточка какая у тебя царядная, Нюрка.

— Это мне мой мужик подарил. Ну, я пошла Никодимчик. Ты тут и без меня справишься.

В наркомате Анна Николаевна навещала друзей и зна-

комых, узнавала от Сонечки Разбратт из секретариата все последние наркоматовские сплетни и новости и, обремененная этим приятным грузом, спешила к себе в «Сжатый воздух» обедать. После обеда звонила по телефону своему «мужичку», причем полчаса для загадочности не называла своего имени. Потом заглядывала в отдел «Компрессор — в массы», где в густом табачном дыме единоборствовал с гранками и корректурами зеленый от усталости Никодимчик, и вполне довольная жизнью ехала на казенной машине домой.

Но однажды Нюрочке выпало на долю трудное испытание: ее мобилизовали на месяц для работы в деревне.

Узнав о мобилизации, Нюрочка ходила три дня сердитая и с покрасневшими веками, потом еще три дня пыталась отбиться от поездки, а когда отбиться не удалось, с мрачной решимостью стала шить себе деревенские платья. Все ее очень жалели.

А через месяц она вернулась из деревни загорелая, поправившаяся и очень веселая. Она даже бумажку привезла из политотдела, в которой было сказано, что бригада тов. Курчак много помогла политотделу по художественному оформлению стенных газет в полевых станах. Бумажку эту Анна Николаевна торжественно отнесла в райком.

В тот же вечер она по секрету рассказывала Сонечке Разбратт о своих деревенских переживаниях:

— Мне, понимаешь, в обкоме чудного мальчика дали. Из областной газеты. Такой милый, просто прелесть! Он мне все делал — и чемоданы носил и статьи писал, ну, словом, все, все. Я в колхозе не мучилась. Молоко пила и ягоды ела. Начальник политотдела тоже очень любезный товарищ оказался. Все меня, бывало, уговаривает: вы, говорит, Анна Николаевна, лучше отдохните дома, а мы уж вдвоем с Митей поедем в степь. К вечеру вернемся, будем патефон слушать. Он, понимаешь, за мной даже ухаживал немножко.

...Недавно я встретил Анну Николаевну на Кузнецком. Она еще больше пополнила, похорошела. Полное удовлетворение светилось в ее попрежнему черных сладких глазах.

— Нюрочка! Здравствуй! Ну как ты? Где хлопчешь? Неужели все там же, в «Сжатом воздухе»?

— Там, там. В «Сжатом». Только я, понимаешь, уже не заведующая отделом «Компрессор — в массы». Я в цех питания перешла. Буфетом заведу. Который без продавца.

— Что же это ты так спланировала, Нюрочка?

— Ты разве ничего не слыхал про «Сжатый воздух»? Там ведь обмен был. Я теперь тоже беспартийная. Не дали мне билета: говорят, что я баласт. Это все наш новый парторганизатор устроил, ужасная свинья!

— Ты так спокойно об этом говоришь... Ты же жить без партии не можешь!

— Знаешь, я даже рада. В буфете и ответственности меньше и времени остается куда больше для себя. У мужика моего, кстати, с желудком что-то неважно, нужно его дома подкармливать. Приходи, угощу тебя пельменями.

Я обещал зайти, и Анна Николаевна поплыла дальше по Кузнецкому.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

КАРЬЕРА

Лет пятнадцать назад по одной из парижских улиц шел молодой человек приятной наружности, с бородкой, в пенсне. В его голубых глазах виделось грустное томление по бутылке недорогого вина, по квартирной хозяйке, у которой можно пользоваться бесплатными ласками и долгосрочными займами в десять франков, и вообще по одному из стандартных видов счастья, доступного другим молодым людям с приятной наружностью.

По меланхолическому замечанию поэта, молодой человек «долго по свету за счастьем бродил, но счастье, как тень, убегало». На этот раз оно решило бросить свою дурную манеру и временно задержать бег. И не прилетело или пришло, как это обычно говорится, а просто наехало на него сзади, в виде сверкающего лаком и синевой добротного американского автомобиля. Счастье слегка подняло молодого человека под тугие шины, отбросило на мокрый асфальт, порвало последние, тщательно выутюженные брюки и закричало испуганным дамским голосом из лимузина:

— Ах!

Молодой человек пожевал положенное время на асфальте, поднялся, ощупал голову, пиджак и ботинки и, почувствовав благоприятную ситуацию, вторично упал, — но уже не без расчета — на руки пожилой даме, зазвеневшей около него браслетами и запахшей самыми дорогими духами.

Дама оказалась сердобольной и любящей молодых людей с приятной наружностью, особенно таких, на которых только наехала и порвала им брюки.

Она взяла молодого человека в лимузин, отвезла его к себе в трехкомнатный номер отеля и, пока бегали вниз за новыми брюками для жертвы и смывали с привлекательного лица уличную грязь, влюбилась в него всерьез и надолго.

Молодой человек, закусывая холодным фазаном, легко примирился с этим обстоятельством и рассказал, глотая лирические слезы и остэндские устрицы, что он русский эмигрант и фамилия его Вонсяцкий.

Это было так увлекательно и интересно, что пожилая американка тут же заявила на деловом и лаконичном языке своей родины:

— Сейчас подадут фрукты, вечером мы с вами пойдем в цирк, а послезавтра, если портниха не подведет, поедем венчаться.

Тут же она намекнула, что сохранила от матери бурный темперамент, а от покойного мужа — несколько миллионов. И что вообще молодой человек может воспользоваться и тем и другим без ненужных волнений и слез, как это зауныбно поется в одном из популярных романсов.

Молодой человек быстро воспользовался.

Так началась карьера нынешнего фюрера партии русских фашистов Вонсяцкого.

Сначала это были почти лирические, легкие, как сон, игривые поездки из Америки в Берлин, из Берлина в Токио и обратно — на предмет подыскивания занятий.

Вонсяцкому, например, хотелось быть адмиралом. Конечно, мадам при ее средствах всегда могла бы устроить своего супруга в уругвайский флот за небольшое вознаграждение морскому министерству. Или, наконец, купить этот пост в другой недорогой республике, но молодой муж оказался патриотом и на такие уловки не шел. Ему непременно хотелось быть адмиралом российского флота, и на этот предмет велись долгие и жаркие переговоры с блюстителем престола российского — Кириллом.

Кирилл милостиво выслушал идею насчет создания великого зарубежного российского флота, но сразу же замял разговор о броненосцах и подводных лодках и попробовал подзаянить у Вонсяцкого кое-что под идею восстановления несчастной родины вообще. Вонсяцкий списался с мадам, мадам отказала, и будущий адмирал, сразу разочаровавшись в юрком монархе, поехал в Берлин хлопотать насчет штатного места гетмана всевосточной всегерманской Украины. Там он нарвался на живую очередь из местных и приезжих

претендентов, справился, кто последний, грустно предупредил: «Я за вами» — и уехал в Харбин посоветоваться насчет каких-нибудь делишек с добрыми знакомыми и единомышленниками своего единовеца Саввы Даниловича Араки.

Делишки нашлись сразу. Делишек нашлось много. Но опять и здесь лучшие должности были уже порасхвачаны. В командиры дивизии не взяли. Даже в архиереи нельзя было устроиться, так как все святые отцы уже получали жалованье через атамана Семенова и крепко держались за свои духовные посты.

Надо было выдумывать самому какое-нибудь высокое, большое дело, с ответственным постом.

Вонсяцкий посоветовался, повздыхал, прочел кое-какие немецкие газеты и наутро заявил растерянному от неожиданности отельному кельнеру точом гоголевского Поприщина:

— У русских эмигрантов есть свой фюрер. И этот фюрер — я.

Так в муках родился журнал «Фашист», орган фюрера Вонсяцкого.

В «Фашисте» все как у больших. Все как в «Фелькишер беобахтер», начиная с приветствий фюреру в стихах и в прозе. Прозаических приветствий приводить не будем. Они очень монотонны. Но в стихах таланты соратников Вонсяцкого горят и играют крупными алмазами.

Вот, например, в № 21 «Фашиста» под певучим заглавием «Глубокоуважаемый соратник Вонсяцкий — наша единственная надежда» напечатан такой гимн-поздравление:

«Армады мира побеждая все,
Нас ты ведешь, любимый вождь!
Ад уж дрожит, правда ликует,
Смывая ложь — идет фашистский вождь!»

Японо-германские приятели нового фюрера — хорошие советчики. Они снабжают его не только советами, но и еще кое-чем, что иногда фигурирует в качестве вещественных доказательств при поимке диверсантов и шпионов на нашей территории. Но они же и вносят в бойкое дело горькую практику своих домашних неурядиц.

Так например недовольные Вонсяцким, требующим слишком много не положенной ему славы и угрожающим, что он плюнет на все и поедет отдыхать к мадам, соратники «откололи генерального секретаря» Родзаевского, который недавно организовал целый фашистский съезд в том же Харбине. Об этом съезде «Фашист» меланхолически заявляет:

«В Харбине состоялся фашистский съезд. Силу на этом съезде забрал сброд прихлебателей, полицейских сыщиков и доносчиков, сотрудников японской жандармерии. Какую же политическую окраску принял съезд? Будущая позиция нарисована в приветствии «атамана» Семенова. Это атаманское приветствие, означающее в переводе на простой язык, что надо помогать вооруженным силам японской империи, охватывать Приамурье и Забайкалье и восстанавливать «Второе Манчжоу-Го», было встречено аплодисментами всей семеновской своры. Эти смердящие ренегаты, наконец, сняли с себя маску, послав от имени съезда просьбу к местному консулу — «не отказать в любезности передать выражение наших подлинных чувств министерству иностранных дел Японии».

После такого «раскола» обиженный фюрер Вонсяцкий, опаздавший сам организовать точно такой же съезд, с такими же волеизлияниями и надеждами, хочет организовать новую партию.

Правда, мадам теперь отпускает меньше средств на политические вояжи, и во главе «спасения» несчастной родины стали уже другие полустатные мазурики, но фюрер не отчаивается:

— Если уж сейчас не воспользоваться временем, так когда же ж?

И на самом деле: если не сейчас добротному, вытренному добрыми советчиками мерзавцу делать карьеру, так когда же ж?

Арк. БУХОВ

ИЗ СЕРИИ НЕПРИЯТНЫХ ИСКЛЮЧЕНИЙ

Добродушный диккенсовский судья после доброй порции подогретого эля сказал:

— Не наливайте мне больше, мне еще надо судить. А то придется посадить вместо себя племянника Джо: пусть напилит на себя парик и тыкает пальцем в строчки законов.

Нашему, советскому судье не дано права тыкать пальцем в строки законов. Наши законы — не из мертвых букв. В них каждая строка написана для того, чтобы укреплять новую жизнь, новый быт, новые человеческие взаимоотношения.

Это истина не дискуссионного порядка. Поэтому советский человек идет в суд спокойно, без выписок из сенатских решений 1893 года, без опасений, что юркий нанятой адвокат выкопает статью, по которой подлог вдруг окажется не подлогом, драка — не дракой и ответчик — не ответчиком, а симпатичным молодым человеком, забежавшим в суд выкурить папироску.

И если есть у нас еще судьи, которые не оправдывают этого широкого доверия к ним советского человека, о них надо говорить прямо. Сорная трава не портит всего поля, но она его и не украшает. А вырвать сорную траву никогда не поздно.

После этого делового вступления мы можем поговорить и кое о чем конкретном.

Формулировка судебного решения — тонкое искусство. Иногда в ней так и проскальзывает скрытый в глубине души юмор и тоска периферийного судьи о крылатой фразе, уходящей в историю.

Вот, например, как нарсудья Пономаренского района, Оренбургской области, Федотиков формулировал свое решение об одном из грустных бытовых дел:

«Горностаев, будучи пекарем, допустил халатность: запек мыша в хлеб, что и обнаружено. Это преступление на данное время потеряло всякий эффект и маловажно как преступление».

Но судья Федотиков — все же трудолюбивый человек. Он даже своего рода стилист. А без напряженного труда и хорошего знакомства с афоризмами Козьмы Пруткова такую формулировку не придумаешь.

Другое дело — крымский нарсудья Васильев. Он враг перутомления. Разыскивай законы, понимай их, изучай. Законов много, а он один. Поэтому перед одним из разбирательств добродушный нарсудья предложил истцу.

— Вы вот что, голубь: хотите судиться — найдите-ка сами законы и доложите мне. Не я же сужусь, а вы.

То ли истцу было некогда, то ли законов у него не было под руками, но в день суда он грустно заявил:

— Не выучил. Не знаю я этих законов. Прямо так и не знаю.

— Вы не знаете, я не знаю, — кисло заметил судья Васильев, — а кто же знает? Дело прекращается.

И прекратил.

Чем он занимался в этот свободный от судебного разбирательства день, мы не в курсе дела. Нас больше интересует жизнь и быт другого нарсудьи — товарища Салазниковой (Балашовский район, Саратовский край), которая не явилась в суд по следующей неожиданной причине: ушла к гадалке. Гадалка не мучилась тем обстоятельством, что Салазниковой некогда, а коротко и деловито потребовала:

— Хочешь, чтобы я приворожила к тебе твоего Васю, отдавай пальто и туфли.

Так носительница законов и просидела без пальто и туфель до вечера, пока не убедилась, что гадалка исчезла, как легкое облачко, унося с собой несложные предметы широкого потребления.

Печальную участь Салазниковой, снятой с работы после неудачного вояжа к гадалке, разделил и судья Фаизов (Бавлинский район, Татария). Правда, Фаизов никуда не ходил. Наоборот, он отличался упорным и похвальным в других случаях домоседством. Сидя у себя в квартире, он тут же и решал все дела без хлопотливого и скучного вызова свидетелей, истцов, обвиняемых и нарзаседателей. А чтобы последним не было обидно, Фаизов расписывался за них спокойным, твердым подчерком и считал свой день плодотворно законченным.

В такой замкнутости Фаизов одинок и физически и морально. Последователей у него не нашлось. Наоборот, наши наблюдения открыли другой тип нарсудьи — тип буйного любителя широкой общественности, и, например, в Подосиновском районе (Северный край) нашелся такой судья, который приговор поставил на голосование всех присутствующих в зале суда.

Недовольный мнением нарзаседателей, он просто велел запереть двери и предложил изумленным посетителям:

— А ну, которые собравшиеся, голосуйте!

Собравшиеся оказались разумнее судьи и поддержали мнение нарзаседателей. Привлекли ли их тут же, на месте, за неуважение к суду, неизвестно.

Нарсудья Ястребовского района (Курская область) Ласько до такого голосования бы не дошел. Он самого себя считает настолько авторитетным, что даже железнодорожную катастрофу постановил считать недействительной. Так, по делу гражданки Расчупкиной, которая телеграфно просила отложить дело, так как застряла в пути во время крушения поезда, судья Ласько постановил:

«Имея в виду, что ответчица при желании могла бы приехать на лошадях, дело заслушать в отсутствие ответчицы».

Почему такой судья не привлек к суровой ответственности лошадей, которые не привезли гражданку Расчупкину, не знаем. Очевидно, не хотел усложнить судебного процесса.

Теперь остается еще привести несколько приговоров, говорящих о том, как иногда в самые нужные моменты исчезает самая элементарная грамотность и как приговор превращается в буйную и опасную для жизни и здоровья шараду.

Иногда приговор является продуктом индивидуального творчества, как например такие строки из решения одного периферийного суда:

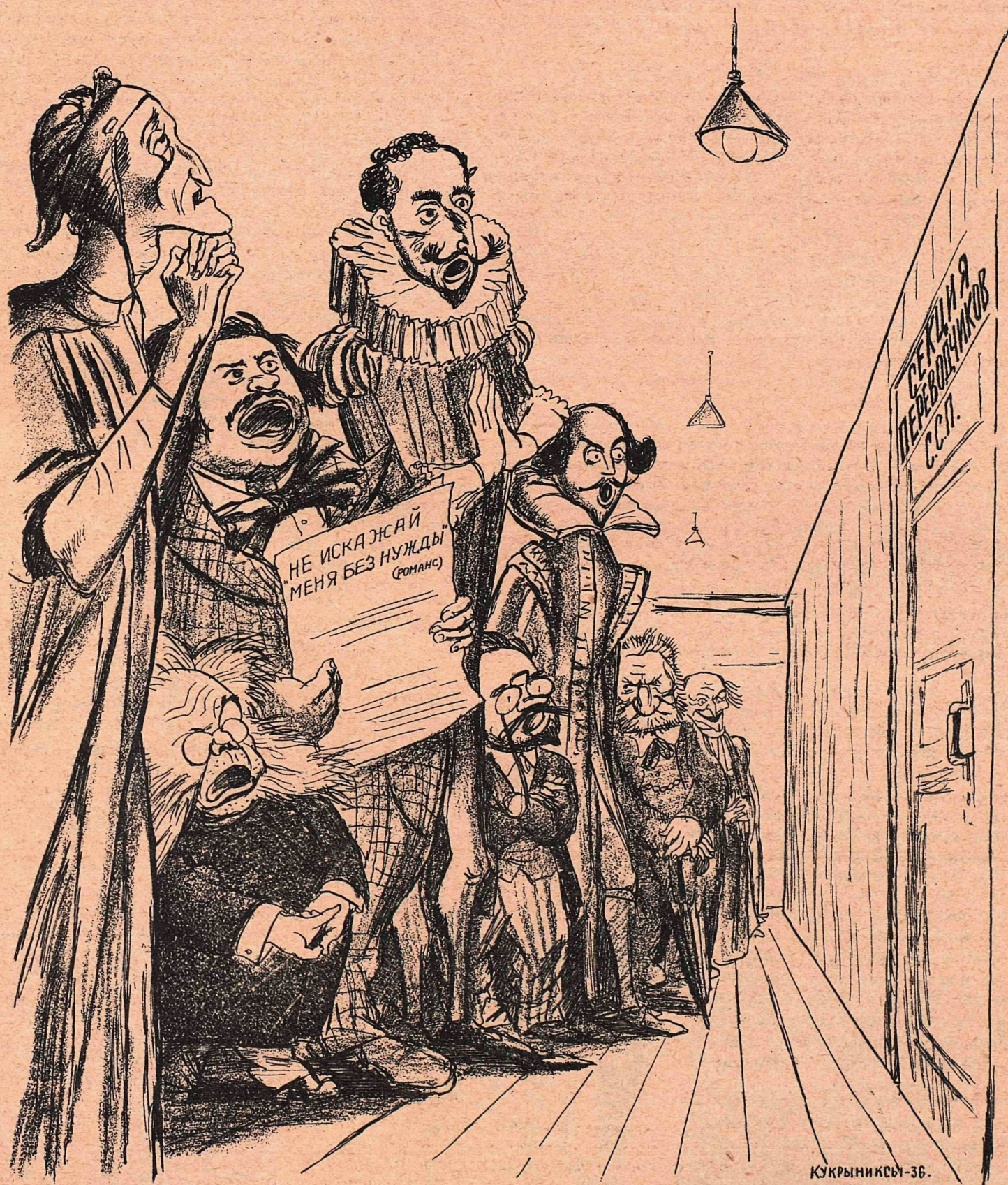
«...Зайдя в квартиру работницы промысла путем сломанной двери, стали приставать к ним как к женщинам...»

Иногда же приговор бывает и продуктом коллективного сотрудничества более высоко стоящих судебных инстанций. В качестве образца рекомендуем определение кассационной коллегии восточносибирского крайсуда по делу некоего Соловьева, осужденного народным судом 1-го участка в Красноярске за незамысловатое похищение 5 куриц, а попуно... за клевету: «Предъявлено обвинение Соловьеву в том, что он оклеветал Егорову в похищении куриц, 5 штук; суд решил обвинение клеветы Соловьевой оправдать, курицы изъять у Егорова и передать Соловьеву на сохранение до вхождения в силу решения суда. Кассационная коллегия, рассмотрев материал дела, находит, что решение народного суда отменить, делопроизводством прекратить, а курицы возвратить Егоровой».

На этом мы прекращаем грустное перечисление не менее грустных фактов из судейского периферийного быта. От соответствующих инстанций зависит, чтобы мы никогда не возвращались к этой теме.

ХОР ПОСТРАДАВШИХ

Рис. Кукрыниксы

КУКРЫНИКСЫ-36.

ДАНТЕ, ИБСЕН, БАЛЬЗАК, СЕРВАНТЕС, ЗОЛЯ, ШЕКСПИР, ГЮГО, ВОЛЬТЕР И ДРУГИЕ КЛАССИКИ, НЕ ПОМЕСТИВШИЕСЯ НА РИСУНКЕ, НО НЕ МЕНЕЕ ИЗУРОДОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЧИКАМИ:
— Не искажай меня без нужды...

А Г Л А Я

Ваня Полусердов, в просторечье Эдуард, по профессии чертежник, претерпевал разочарование в жизни.

Ничто не интересовало его в этом мире, все опротивело ему до косточки.

В иной миг хотелось ему подобно Льву Толстому бежать из Ясной поляны, или подобно Байрону уйти сражаться за независимость греков, или же, в крайнем случае, бросить все и в виде вызова открыть кепочное дело в бездействующем лифте какого-нибудь дома на Петровке.

Вернее, он разочаровался не в жизни, а в любви. Это будет точнее.

А надобно сказать, что Ваня Полусердов обладал не только приятной внешностью, но и деликатными манерами и чувствительным сердцем. В наш век позитивных знаний было бы глупо смотреть на этого представителя гуманитарного воспитания, окончившего двухнедельный вечерний университет при Птицесбыте. Как быстро умел он покорить любое изысканное общество культурностью своего обхождения и блеском эрудиции! Но особенно он нравился девушкам. Этот пустяковый народ абсолютно не мог устоять против Вани Полусердова. По вечерам он сжигал в голландской печке десятки нераспечатанных голубых писем. И не одна красавица засыпала с его, Полусердова, именем на устах.

Отчего же произошло разочарование нашего героя? В чем корень этого пессимизма? Корень его, если разобраться научно, заключается вот в чем. Сантиментальную ванину натуру не устраивали современные женщины. Он в них разочаровался.

Ему опротивели до глубины души молодые девушки-инженеры в синих комбинезонах, он боялся плечистых, коротко стриженных физкультурниц, его сердце поэта возмущали завитые шоферы, восседающие за баранками полуторатонков, его не привлекали молоденькие парашютистки, бесстрашно сигающие с ненормальной высоты.

«Ну и слабый пол! — с горечью думал он, глядя на какую-нибудь молодую особу в наркомвнудельской форме, с кубиком лейтенанта в петлице. — Я хочу любить девушку, а не лейтенанта! — восклицал он в мечтах. — Монну Лизу, а не шофера! Голубку, а не штурмана, чорт возьми!»

Нашему певцу хотелось любви некоего хрупкого существа с глазами газели, походкой серны и манерами лани. Его натура артиста требовала: а) длинных русых кос, б) робких вздохов, в) белого платья и, наконец, г) чтобы весь этот тургеневский инвентарь был освещен идиллическим закатом. Он интересовался чистой слезой на розовых ланитах, устами, поющими нежный романс под звуки этих... как их... клавинок, наивными, старомодными, как их... стансами, написанными в сафьяновый альбом. Ни больше ни меньше.

И он всюду искал этот дефицитный, по нашему времени, товар, но нигде не мог найти даже самой заваливающей газели. Так он ходил мрачный, с ошалевшим взглядом и лицом желтым, как чурек.

И вот однажды, бродя в парке, — таков был наш бард! — Ваня Полусердов издали увидел в самой глухой аллее контур девушки, читавшей книгу. Сердце нашего мечтателя дрогнуло! Одинокая девушка сидела на скамье в глухой аллее парка и читала книгу.

Сотрясаемый волнением, Ваня Полусердов присел на кончик скамьи, осторожно, через плечо, он заглянул в книгу, которую читала упомянутая серна,

и с волнением увидел: это была «Бедная Лиза» Карамзина. Понимаете ли вы, что это значит: в тысяча девятьсот тридцать шестом году девушка с косой сидит в парке и читает «Бедную Лизу»!

Уж на что был опытен сердцеед Ваня в нелегком искусстве завязывать знакомства, однако здесь он оробел как дитя. Не станем описывать сложную процедуру вздохов, взглядов и даже целых монологов, обращенных к деревьям и птичкам. Ограничимся только кратким коммюнике: в результате каторжного труда знакомство состоялось.

— Аглая, — представилась девушка, потупив глаза. Аглая! Ее звали Аглая! Не какая-нибудь вульгарная Люся, или Маня, или Ньюра, а нежное, тургеневское имя — Аглая, от которого на сто верст несет ландышами и ромашкой.

— Ваня, — в свою очередь представился Полусердов, — Ваня Полусердов. Но лучше называйте меня просто Эдуард.

Полусердов всегда предпочитал уменьшительные имена, считая, что они сообщают отношениям подлинную интимность.

Он шел рядом с нею по осенней аллее, среди сугробов опавшей листвы, в лучах заходящего солнца и чувствовал себя на вершине блаженства. Вдыхая, он слушал, как она говорила что-то о звездах, о закате, о родниках, о букашках. Оказалось — она любительница природы. Это привело его в восторг.

Одним словом, не теряя зря времени, наш певец назначил Аглае свидание. Тут же. На завтра. Она согласилась, слегка покраснев (о прелестное смущенье!). И Ваня, насвистывая, попер домой, повторяя про себя ее буколическое имя. Деревья били его ветками по кепке. Но он не замечал ничего.

Весь следующий день он провел как бы в бреду. Наконец, он обрел свою мечту! Наконец, он нашел тургеневскую девушку! Наступил долгожданный вечер. Иван Евстигнеевич Полусердов расчесал бланжевые свои волосы на прямой пробор, надел триковый костюмчик, штучный жилет и новенькие штиблеты, попрыскался цветочным одеколоном и в таком интригующем состоянии отправился на свидание.

Свидание было назначено у входа в парк. Заметьте, не у подъезда кино, не на главном телеграфе, не на трамвайной остановке, не в шашлычной, а у входа в парк. Старые липы тихо шептались над головой певца. Разная дичь прыгала на ветках. Ваня Полусердов взволнованный ходил взад и вперед с букетом в руках. «Аглая, — шептали его губы, — Аглая, Аглаюшка...»

Стрелка, наконец, причалила к назначенному часу. Ваня занервничал еще больше.

И вдруг из-за поворота улицы раздалась какие-то оглушительные звуки, пальба и чиханье мотора. В нос ударил запах перегара бензина, и потрясенный Полусердов увидел: в идиллическом свете заката по камням мостовой верхом на мотоцикле летела Аглая. Руки ее крепко сжимали рогатый руль дымящегося и грохочущего «Харлея». Она была в синем брезентовом комбинезоне, и нежное лицо газели потемнело от копоти и пыли.

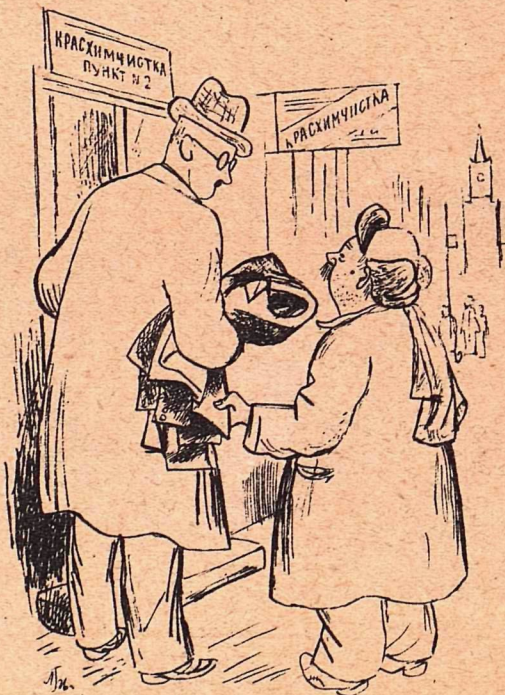
— Позвольте, — жалобно сказал Полусердов, еще не веря себе, роняя букет на мостовую. — А как же «Бедная Лиза»? Почему вы ее читали?..

— Вы спрашиваете об этой книжонке? — удивленно сказал Аглая. — Мы проходим сейчас Карамзина. Удивительно наивная и смешная история об одной сантиментальной девице!..

БРАТЯ ТУР

СВОЕВРЕМЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Рис. Л. Генча

— Продайте костюм.
— Оставьте меня — я его несу в чистку.
— Так продайте лучше сейчас: кто же у вас после чистки купит, если его носить нельзя будет?!

ОБ ОДНОМ И ТОМ ЖЕ...

Это можно проследить и по литературе. В 1910 году, например, принято было писать так:

«Инженер Владимир Капитонович Тихменев, плотно позавтракав и прочитав свежий, пахнувший типографской краской номер «Русского слова», ехал на завод. И оттого ли, что по-весеннему гулко тархтели сегодня колеса экипажа, оттого ли, что вчера Вера Константиновна, слегка ответив на его рукопожатие, беззвучно сказала ему «да», или, наконец, оттого, что все его выхоленное и здоровое тридцатидвухлетнее тело хорошо отдохнуло за ночь,— только невольная улыбка освещала интеллигентное лицо Владимира Капитоновича, и, привычным жестом разглаживая каштановую бородку, он напевал арию Париса из «Прекрасной Елены».

Подъезжая к заводу, Тихменев увидел рабочего Жукова, который, навистывая «Барыню», нес жестянку с масляной краской. Завидев инженера, Жуков поспешно снял картуз, и на смышленном чернявом лице его отразилась явная приязнь:

— Ну здравствуй, Жуков, — в свою очередь, приложив палец к форменной фуражке с синим бархатным околышем, с кокардой на тулье, отозвался Тихменев.— Что это, братец, синяк у тебя на скуле? Поди, гулял в воскресенье?

— Есть тот грех, Владимир Капитонович,— тряхнув головой, ответил Жуков.— Кто богу не грешен, царю не виноват?

— Так, так... Ну, а на заводе что слышно? Показывал ты немецким мастерам тот станок, что я приказал?

— А то как же-с. Тогда же приво-дил Пумке и этого — как его? Прыгайфедя...

— Спрингенфельда? — улыбаясь, подхватил инженер, про себя отметив великую бойкость, с какою наш народ переделывает на свой лад непонятные чужие слова.— Ну, и что ж они сказали, немцы?

— А кто их разберет? Залопотали по-своему да и ушли. Нешто можно понять, чего им нужно?..

— Ага. Так ты вот что, любезный: позови их ко мне в контору. А после гудка зайди-ка ко мне на квартиру. Же-

на хочет чего-то там переделать на кухне...

— Это с нашим удовольствием, — снова тряхнув головой, ответил Жуков и, почтительно дав дорогу инженеру, вошел в пропускную будку завода...

Как известно, эта очаровательная манера перестала существовать в литературе в 1917 году. И, само собой разумеется, году в 31-м об отношениях рабочего к инженеру писали совсем иначе. Принято было писать главным образом так:

«— Еще совсем недавно тут было пустое место, — с гордостью сообщает нам старый кадровый рабочий Иван Никанорович Жуков. — А теперь, значит, тут вот пройдет плотина, за ней— озеро... Цеха будут расти в эту сторону. Вот только рельеф местности не позволяет скоро зелень завести.

— А вы и рельеф изучали?— с интересом спросили мы.

— А то как же!— серьезно отозвался Иван Никанорович.— Тоже в свободные часы подзанились мы учебой... Вот под руководством Владимира Капитоновича...

Инженер Тихменев ласково оглядел старого своего соратника по производству.

— Не только Иван Никанорович, — сказал инженер, — у нас многие занимаются в техническом кружке. Попов, Сквордовы оба, Янисейский...

— Алехина, Сутулин, Тарасенко, — подхватил и продолжил этот список Иван Никанорович.— Кому же неохота теперь учиться... Вот немцы-то поставят станки и уедут, а работать на них — нам. Как же не учиться!..»

Теперь, в 1936 году, удивляться тому, что рабочие занимаются техникой, неудобно. Писать надо опять иначе:

«— Сидим мы ночь, сидим вторую— ничего не получается. Ну, говорю, Володя, значит, где-нибудь в расчетах ошибка.

— Это какой Володя?

— Да наш сменный инженер, Волода Тихменев. Неужели, говорю, мы не сможем перекрыть проектную мощность машины? У немцев она дает 25 деталей в час, а у нас должна дать 50. Иначе, говорю, какие же мы стахановцы?..

— А вы стахановец?

— А то как же! А Володя говорит: «Знаешь, Жуков, тут надо будет менять всю систему подачи. Вот чертж...» Ну прочитал я чертеж, вижу— правильно. Только, говорю, готовые детали надо выбрасывать налево, сюда, а не направо, как в чертеже. Володя посмотрел — согласился. Значит, перемонтировали мы с ним станок...»

Откровенно говоря, мы не думаем, чтобы дальше пришлось изменять метод описания. Тут можно уже остановиться. Отношения налажены правильно. И техническая грамотность— тоже.

В. АРДОВ

Рис. Л. Сойфертиса

«...Роскошь, так уж роскошь — истинно безумная».

Рис. Л. Бродаты

ПРОФЕССОР:—Итак, мой труд по одомашниванию лисицы закончен.
 — А где же ваша опытная лисица, профессор?
 — Видите ли, она, к сожалению, снова одичала, еще когда я сидел над третьим томом.

ФРАНТ ИВАНЫЧ

На службу он пришел в фетровой шляпе и с тросточкой. Даже вешальщик, стригшийся, как химик Менделеев, один раз в году, удивился. Повертел тросточку и сказал:

— А как ее на крючок приспособить, товарищ Арбузов? Давно не видел.

— Пора бы увидеть. За ручку и зацепите. И шляпу заодно.

Многие ходили смотреть тросточку Арбузова. Бухгалтер с наждачными усами сказал:

— Рановато... Рановато, Франт Иваныч...

— Как рановато?—удивился Арбузов.—Тросточка дело демисезонное...

— Не в том дело. Тросточки как будто еще не амнистировали.

— Вы еще скажете фетровую шляпу нельзя?!—вспыхнул Арбузов.

— Фетровую шляпу можно. Я сам читал, что выпуск фетровых шляп увеличивается. А вот насчет тростей ничего не читал. Ничего!

— Мизантроп вы!—сказал Арбузов дрогнувшим голосом.—Да ведь в государственном магазине продают эти трости?!

— Мало ли что в государственном магазине продают!—поглаживал усы бухгалтер.—В государственном магазине вон и водку продают, так

вы что, с пол-литром в руках на службу явиться, Франт Иваныч?

— Или еще вот, скажем,—пристегнулся экономист,—кольцо. Не обрубальное даже. А с камешком. Никто ж не носит. Значит, еще время до них не дошло.

— Трость, ой нет, трость—это не дело,—бухгалтер поскорее передал тросточку вешальщику, точно это была змея.—В руках портфель должен быть, а не эта...

Весь день Арбузов чувствовал себя неприятно. Подходил советоваться с бухгалтером.

— Я не знаю,—бурчал бухгалтер,—но, по-моему, неприлично. Зонт? Зонт дело другое... Насчет тростей не было еще...

После службы Арбузов попытался было трость спрятать в портфель. Ничего не вышло. Концы торчали. Расстроенный, пошел с тростью. Неожиданно встретился с начальником, вылезавшим из автомобиля. Арбузов тотчас же захромал и, опираясь на трость как на костыль, сказал с улыбкой начальнику:

— Ставил вчера рекорд по прыжкам и ногу немного повредил... Беда прямо...

В. ТОБОЛЯКОВ

МЕЛОЧИ СПОРТИВНОГО БЫТА

Рис. К. Ротова

Еще не подметенный американский стадион после легкого будничного состязания в регби и кое-какие другие веселые игры. Разбираясь в составных частях игроков, обнаруженных на стадионе, читатель может быть озадачен, не найдя среди них пестрых останков судей. По замыслу художника, а также по существующей практике, судьи забиты в достаточном порядке еще до матча. Малое количество публики на трибунах объясняется природной сметкой американцев: большая часть зрителей успела спастись и покинула стадион, не будучи замечена игроками. Изображенная на рисунке челюсть с трубкой принадлежит одному из местных публицистов, написавшему перед матчем газетную статью о том, что бурные состязания в регби ведут к укреплению здоровья игроков и зрителей.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Сообщаю о свежих способах активизации масс, которые применены были не так давно на Новосибирском мясокомбинате председателем завкома Ильиным и членом парткома Чирковым. Под просвещенным руководством упомянутых товарищей было собрано отчетно-выборное собрание в горсо-

вет. Вместо того чтобы поставить интересные доклады, упомянутые товарищи поставили у дверей собрания двух стрелков из пожарной охраны со строгой директивой никого из зала не выпускать. И что же? Ильин и Чирков добились своего. Большинство собрания приняло оживленное участие в дискуссии со стрелками, поставленными на страже у выхода. Так, в

полудружеской беседе с ними, и прошло это интересное довыборное собрание.

Н. КОРОТКОВ

г. Новосибирск.

Уважаемый Крокодил!

Отправляю тебе это письмо доплатным, ибо я не

настолько богат, чтобы покупать у нас, в Павинском, Северного края, 10-копеечные почтовые марки. Дело в том, что в павинском почтовом отделении 10-копеечные марки — дефицитный товар и отпускаются потребителю лишь с такой нагрузкой: на 2 десятикопеечные марки дают две марки по 50 копеек и две по 20 копеек.

Вчера я устроил безумный почтовый кутеж и отправил сразу три письма, а сегодня вынужден перейти на доплатные. Извини меня, дорогой Крокодил, но в этом виноват не я, а павинские почтовики.

И. КАШЕВ

Дорогой Крокодил!

Свяжись, пожалуйста, с Экономическим институтом Академии наук, может быть, у него в плане работ стоит изучение натурального, безденежного хозяйства. Если да, то пусть приезжает к нам в Реполово, в совхоз Облрыбпродснаб. Здесь у нас вместо денег приходится пользоваться банными билетами, хлебом, билетами в кино и т. п. Вот уже больше года, как мы получаем зарплату этими интересными денежными единицами.

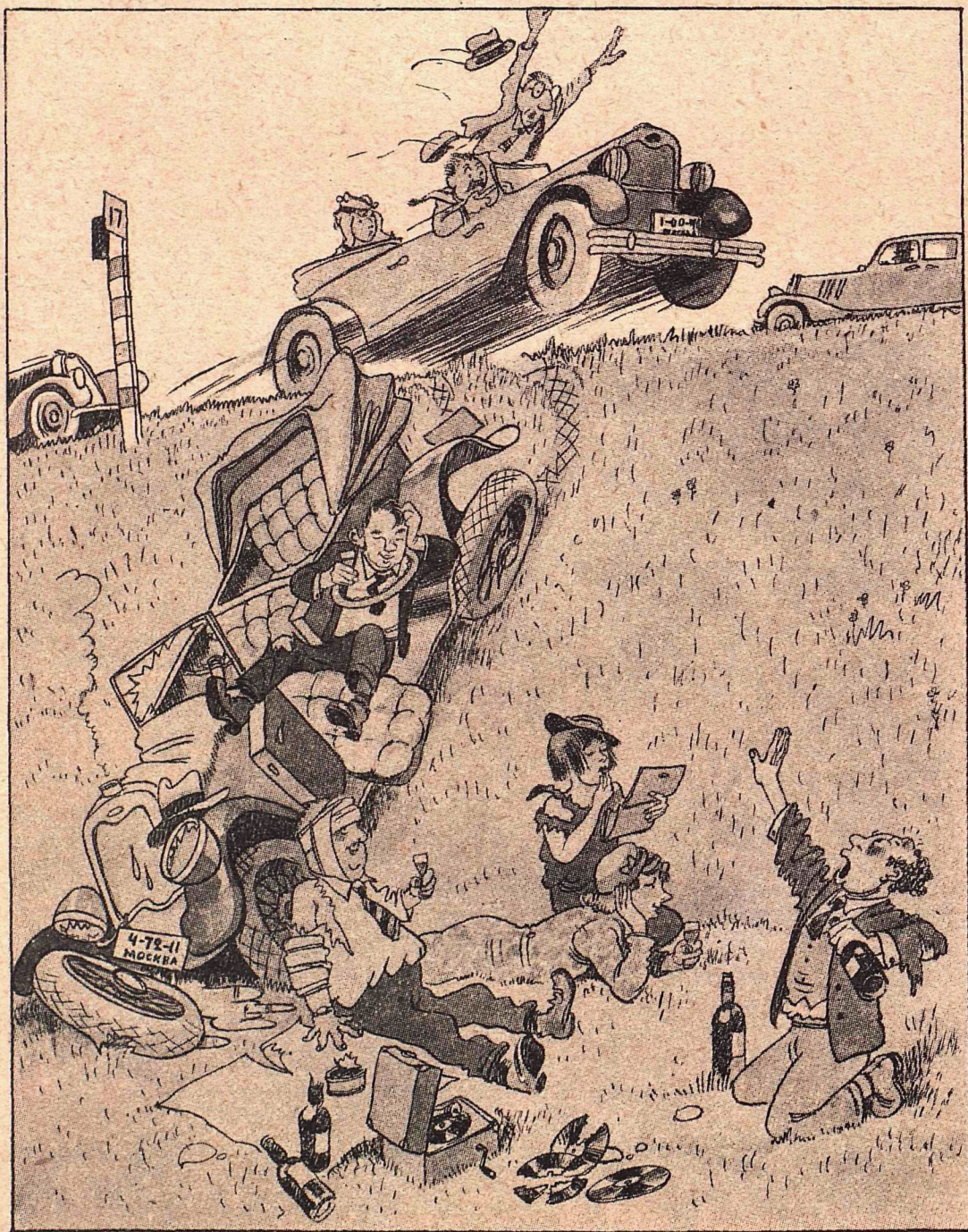
Если Академию наук это не интересует, пусть заинтересуется этим делом хотя бы Народный комиссариат пищевой промышленности.

И. ПЕТРЕНКО

Реполово, Самаровский район, Остяко-Вогульского округа.

В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

Рис. М. Храпковского

—Куда вы граждане! Все уже занято!

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

БДИТЕЛЬНЫЙ ЧУВИЛИН

Допустим, что факт имел место, и некий Подколесин действительно выпрыгнул в окно перед самой свадьбой, спасаясь от семейных уз. Но кого и на что мобилизует этот факт в наши дни укрепления семьи и брака, и стоит ли его показывать со сцены учащейся молодежи?

Не найдя в глубине души кардинального решения по этому мучительному вопросу, уполномоченный ульяновского горлита запретил студентам Волжского книжного техникума ставить гоголевскую «Женитьбу», предварительно написав на программе спектакля-концерта:

«Представить на дикламацию содержание и автора. Программы. На музуку ноты. Чувилин».

Кроме гоголевской «Женитьбы» бдительный Чувилин тут же, не сходя с места, запретил некрасовский «Плач детей».

Что еще запретит в дальнейшем этот бойкий мужчина,—мы даже боимся догадываться. Пусть догадывается его ближайшее начальство, а догадавшись, сделает и соответствующие оргвыводы.

СВЕРХБАНЯ

Какая архитектура более всего приличествует прозаической колхозной бане? Строить ли ее наподобие греческого цирка, средневекового замка или придать ей эффектную внешность чикагского небоскреба?

Повидимому, эти мысли глубоко волновали московского архитектора Вестфала, и когда ему поручили спроектировать колхозную баню, — у него уже был готовый выход.

Он взял альбом с рисунками знаменитого итальянского зодчего Палладио и срисовал оттуда барский особняк.

— Баня получилась с большими

колоннами на фасаде, — рассказывал по этому поводу на одном из производственных собраний другой архитектор, Соболев, — но вычурная, дорогая и, конечно, никуда негодная...

И все это от того, что у архитектора Вестфала не хватило фантазии. Зачем ограничиваться для колхозной бани одной внешностью палладиевского особняка. Серо, скучно. Почему бы, например, не сделать баню в виде вулкана Везувия: монументальная пирамида, сверху дырка, из которой идет пар, и через эту дырку на веревках спускаются моющиеся единицы. И красиво, и капитально, и, главным образом, неповторяемо!

ПРЕЖДЕ ВСЕГО СТРОГОСТЬ

Нельзя у работников загса отнимать права вносить кое-какие нововведения в сферу своей деятельности. Но некоторые загсы, повидимому, начали себя считать чисто законодательными учреждениями и стали издавать суровые и пугающие население распоряжения. Так например кагановичский загс (Таджикистан) объявляет о следующем:

«В случае подтверждения, что регистрирующиеся жили без регистрации в семейном положении шесть—семь месяцев, будут привлекаться к ответственности по ст. 4, 5, 6 гражданского кодекса. Лица, зарегистрированные в 1936 г., должны явиться в загс для перерегистрации».

Надо только радоваться, что столь строгий загс вызывает для перерегистрации одних только брачующихся. А что будет, если отдел регистрации смертей пожелает вызвать для перерегистрации всех покойников своего района?

И Г Р У Ш К И

В руках неумных шарлатанов противогаз превратился в какую-то забавную игрушку для всяких плоских экспериментов.

«Надднпрянска правда» (Херсон) наднях сообщила об уроке географии, проведенном в шестом классе в противогазах, а «Восточносибирская правда» рассказывает, что когда в Красночичкойской больнице потребовалось сделать операцию комсомольцу Шешикову, — юношу положили на операционный стол, напаялив предварительно на него противогаз.

К удивлению оперировавших,

операция сошла благополучно, после чего медперсонал в тайной радости послал в редакцию «Восточносибирской правды» телеграмму, в которой:

«Просит отметить на страницах газеты о громадной работе по подготовке красночичкойского медперсонала к химической войне».

По нашему мнению, такой медперсонал может считать себя вполне подготовленным не столько к длительной химической войне, сколько к быстрой взбучке за гловотяпство.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОСТЮМЫ

Очень трудно, конечно, совместить маскарад с идеологией. Но не невозможно. Поэтому, когда горловский дворец культуры наднях организовал бал-маскарад, на афишах появились следующие предварительные правила для желающих потанцевать:

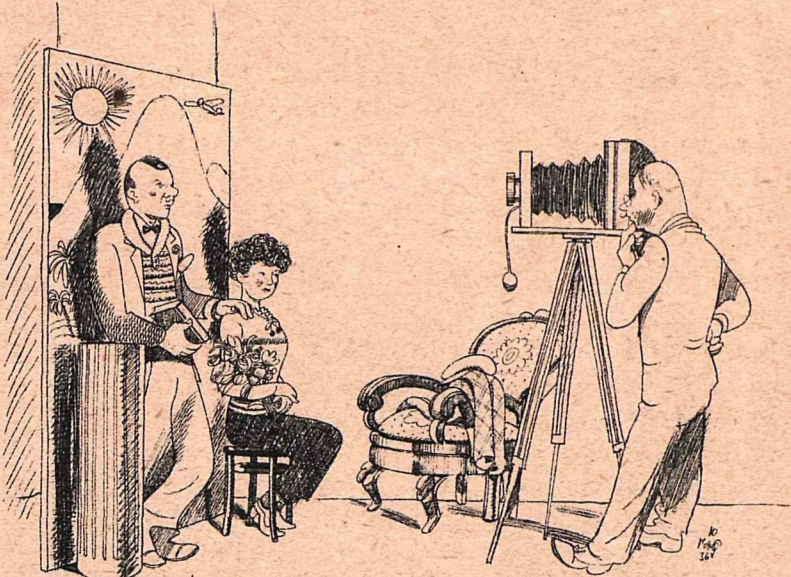
«Костюмы должны отвечать следующей цели: старые и новые нормы».

«Итало-абиссинская война. Японо-германская дружба. Жертвы капитализма».

К нашему удивлению на афише не указаны еще, например, костюмы, отражающие некоторые немаловажные производственные процессы: засолку мелкой рыбы, набивание обручей на бочку и кирпичное производство в районном масштабе. Указываем горловскому Дворцу культуры на эти досадные пропуски.

И ЖИТЬ ТОРОПИТСЯ И ЧУВСТВОВАТЬ СПЕШИТ

Рис. ю. Ганфа

— Скажите, когда будут готовы карточки?
— Через три недели.
— А нельзя ли поскорее? Боюсь, что за это время я успею развестись.

ГНИЛОЕ ЧУДО

Говорят, не бывает чудес.—Нет, бывает! Прохожу я вчера мимо витрины, смотрю: лимоны. И какие лимоны! Целая пирамидка, и один краше другого.

А у меня с детства тяга к лимонам:

— Почему,—спрашиваю,—у вас лимоны?

Продавец очень вежливый:

— Два с полтиной-с.

Подумал спокойно: «В общем недорого. Лимоны приходится ввозить из далеких стран. Своих лимонов, может быть, у нас мало: в общем естественно».

— Хорошо,—говорю,—я беру. Дайте какой покрупнее.

— Пожалуйста,—говорит продавец,—выбирайте. Вот на прилавке.

На прилавке, смотрю, лимоны: ну, не лимоны, а как бы это назвать, прокаженные!

Я говорю:

— Позвольте, это лимоны?

— Лимоны-с!

— По два с полтиной?!

— По два с полтиной-с.

— Вы... вы это серьезно?

— Серьезно. Наше положение несерьезных разговоров не допускает.

— А почему,—спрашиваю,—у вас те лимоны, что на витрине?

— По два с полтиной-с.

Вот так чудо!

— Тогда я,—говорю,—за гнилыми лимонами не гоняюсь: дайте мне тех, с витрины.

— Нет-с,—говорит,—с витрины нельзя. Витрина—это витрина.

— Позвольте!—говорю и даже повысил голос.—Но ведь два-то с полтиной на витрине проставлено? Значит, за такие, как те, а не за эту вот падаль.

— Гражданин,—говорит,—вы товар безвинно не оскорбляйте. Если у вас склонность есть, вы берите, а витрину тревожить не полагается. Два с полтиной, так два с полтиной, но дайте мне настоящий лимон, здоровый!

— Здоровья вы, гражданин, здесь не ищите. Тут не аптека.

— Тогда дайте мне настоящий лимон с витрины.

— Если формально желаете подходить, то и эти лимоны тоже с витрины. С прошлой.

— Мне с прошлой не нужно, мне нужно с этой.

— И с этой, гражданин, тоже будут гнилые: на все свое время. Зайдите через три дня, мы отпустим. Витрина свое отслужит, тогда и пожалуйте. Ни одного дня не задержим.

— Хорошо!—говорю.—Гноить товар—это ваше право. Но почему я за гнилой лимон должен платить столько, сколько и за хороший?

— Гражданин! Вы все равно как маленький! У нас цены назначенные. Калькуляция.

Ну вот скажите: не чудо? Правда, гнилое чудо.

А сколько таких чудес... И все лишь потому, что каким-то мозгом не хочется, лень придумать что-нибудь более эластичное чем эта самая калькуляция.

А впрочем, может быть, мы ошибаемся. Сами мы работаем не по торговой части. Тогда извиняемся.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ЛАГИН, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-05-48; Д 3-05-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена 1 р. 23 к. в месяц ● Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. №389

Сдача текста и рисунков 8/IV—36 г.

Подп. к печати 15/IV—36 г.

Статформат 72×108. 1/2 печ. л.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита В—21586

Типография газ. «Правда» им. Сталина, Мбсква, ул. «Правды», 24.

Заказ № 758

Тираж 266.000

1936

КОЛЕБАНИЯ В ГРЯЗИ

М 2729

Рис. Л. Бродаты

— Что же делать? Чинить дорогу, не увязавши вопроса с краевым центром, я не решился, а поехал в краевой центр—увяз по дороге.

100 182